

оберточной и писчей бумаге, даже на картонке. Нина Александровна во многих своих посланиях на волю просит родных присылать ей чистые листы, а так же карандаши, перья. Письма написаны перьевой ручкой или карандашом. Поскольку приходилось экономить бумагу, то листы исписаны почти без полей и абзацев. Почерк у автора такой, которому учили еще до революции, с закруглениями у букв и закорючками, если это, например, буквы «б», «д». Не все письма посылались в конвертах (они появились только после войны для заключенных). Часть из них сложена треугольником, как солдатские. Адрес писался на одной из сторон треугольника. Но, в отличие от солдатских писем, на «треугольники» заключенных наклеивалась марка. За почтовые марки надо было платить. Необходимо напомнить, что бумагу заключенным для писем не выдавали не потому, чтобы таким образом их наказывали. Дело в том, что во время войны бумаги не хватало всем. Дети в школе иногда учились писать на оберточной бумаге и на газетах между строк. Такая тогда была действительность. Страна все отдавала фронту для Победы.

Нина Александровна была интеллигентным человеком, вышедшим из той среды русского дореволюционного общества, которое накопило достаточное количество культурных навыков в течение нескольких поколений, чтобы суметь говорить и писать литературным языком. В ее письмах, хоть и встречаются трафаретные фразы, характерные для писем той поры, но это только дань традиции в приветствиях в начале послания и в его конце. В ее эпистолярном наследии вы не найдете косноязычных фраз или стилистических ляпов. У нее почти нет орфографических и синтаксических ошибок. Ее письма, конечно, не стилистические шедевры, но ими можно зачитываться. Они наполнены не только колоритом эпохи, но и передают характер автора, в ее строчках встречаются поговорки, и меткие словечки, украшающие текст.

Она не теряет чувства юмора в своем тяжелом положении, то и дело иронизирует по всякому поводу. Ветхие листы, исписанные ее почерком, передают тяжелую атмосферу заключения, но и не вводят читателя в уныние и безнадегу. Нина Александровна старалась подбодрить своих родных, хотя подбадривать, конечно, надо было ее.

Она понимала, что ее судимость сказывается на положении ее родных. Этому пониманию многих научили репрессии 30-х годов. Среди документов Елизаветы Курдюмовой сохранилось письмо Милочке, дочери узницы ГУЛАГа, от сокурсницы Марии. Та